

Мэри

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Мэри МЭРИ

Пир во время чумы
Ты отличишь ее на пире.
Сидит задумчиво она,
И взор витает в ясном мире,
В далеком царстве грез и сна.
Когда вокруг вино струится,
Звенят бокалы, хохот, шум...
Какая в ней мечта таится,
Каких полна незримых дум?..
А если вступит в разговоры
И голос нежный прозвучит,
Смолкают ветреные хоры,
И пир завистливо молчит...
Когда же песню начинает,
Ее напев смущает пир,
И голос грустный отлетает
В далекий, совершенный мир.
Младую Мэри – не впервые
Чумы печалит тяжкий гнет...
Бросает кудри золотые,
Тихонько плачет и поет.

24 июля 1899 г.

* * *

Прощались мы в аллее дальной,
Лежала вокруг широко тень,
На миг улыбкою прощальной
Осенний озарился день,

И вышло солнце. Всё казалось,

Объято ласкою творца,
Природа мощно наслаждалась
Лучами солнца – без конца,

Но ветер хладный, тучи хмура,
Сокрыл лучи, нагнал теней,
И нам понятна стала буря –
Последний миг блаженных дней.

24 июля 1899 г.

• **Друзьям**

Молчите, проклятые струны!

А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!

Что делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля — так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

24 июля 1908 г.

• Поэты

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленились со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,

Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж не доступно всё это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

24 июля 1908 г. Goşgular